

УДК 316.334.56 + 159.922.2

ИДЕНТИЧНОСТЬ МЕСТА КАК РЕЗУЛЬТАТ СРЕДОВОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ

Мусиездов Алексей Александрович – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина

Статья посвящена анализу понятия "идентичность места", используемому в психологии среды. Кратко описаны ключевые идеи и история развития психологии среды. Подчеркнуто, что сущность идентичности места состоит в том, что она является результатом социализации индивида в определенных условиях физической среды. Автор считает, что анализ концепций, которые используются в смежных для социологии дисциплинах, способствует не только концептуализации и определению путей изучения идентичности места вообще и города, в частности, но и развитию исследований в данной сфере.

Ключевые слова: идентичность места, среда, психология среды.

Стаття присвячена розгляду поняття "ідентичність місця", яке використовується у психології середовища. Коротко описані ключові ідеї та історія розвитку психології середовища. Підкреслено, що сутність ідентичності місця полягає в тому, що вона є результатом соціалізації індивіда в певних умовах фізичного середовища. Автор вважає, що аналіз концепцій, які використовуються в суміжних для соціології дисциплінах, сприятиме не лише концептуалізації й визначенню шляхів вивчення ідентичності місця взагалі і міста, зокрема, а й розвитку досліджень у даній сфері.

Ключові слова: ідентичність місця, середовище, психологія середовища.

The concept of "place identity" used in environmental psychology is considered in the article. The key ideas and history of environmental psychology are briefly described. The essence of the place identity lies in the fact that it is the result of the individual's socialization in certain conditions of physical environment. The author believes that an analysis of the concepts used in related disciplines helps not only to conceptualize and formulate ways of place identity studying in general, and cities in particular, but also to develop researches in this area.

Keywords: place identity, environment, environmental psychology.

Исследование представлений о специфике города является одной из распространенных тем современной социологии, в частности отечественной (см., например [1]). В наших предыдущих работах мы предпринимали попытки концептуализации представлений о специфике города в понятии "идентичность города" [2; 3]. Такая концептуализация предполагает обращение к наработкам ряда смежных для социологии дисциплин. Среди них одной из важнейших выступает психология среды (environmental psychology). История возникновения и развития психологии среды показывает, что привилегированным предметом ее интереса выступает именно городская среда. Однако представляется важным не только анализ ключевых идей данной дисциплины как таковых, но и рассмотрение такого понятия, как идентичность места (place identity), что и составляет цель данной статьи.

Психология среды: ключевые идеи и этапы развития

Отметим, что наряду с "психологией среды" для указанной дисциплины применяются и другие названия: психология окружающей среды, инвайронментальная психология, иногда – экологическая психология. Это продиктовано как особенностями перевода термина "environmental psychology" с английского языка, так и некоторыми акцентами, расставляемыми авторами соответствующих концепций.

Психология среды начинает формироваться в 1950-60-е годы. Однако основные проблемы данной исследовательской области попадают в круг исследовательского интереса еще раньше. Так, например, одним из основателей психологии среды считается некогда студент, а позднее сотрудник В. Вундта, немецкий психолог Вильям Гельпах (*Willy Hellpach*). В 1911 году вышла его первая книга – "*Geopsuche*", в которой он анализирует климатические и географические эффекты – воздействие солнца и луны, цвета и формы, экстремальных арктических и тропических условий, городской среды и т.д., – влияющие на поведение человека. Эта работа пользовалась большим успехом и неоднократно переиздавалась и переводилась на

иностранные языки, в свое время ее цитировали чаще, чем любые другие книги по психологии. Свой раздел учебника по биологическим методам ("*Handbuch der biologischen Arbeitsmethoden*"), вышедшего в 1924 году, В. Гельпах назвал "Психология (окружающей) среды" ("*Psychologie der Umwelt*"). По его мнению, целью психологии среды должно быть не изучение процессов, происходящих не в искусственно индивидуализированной психологической жизни или экспериментально созданных условиях, а так как они протекают в зависимости от фактически сложившейся среды [4; 5, pp. 96-98.].

Предшественником психологии среды можно считать также гештальт-психологию. В частности, считается, что эксперименты Курта Коффки (*Kurt Koffka*) позволяют рассматривать среду как элемент гештальта – целостного образа ситуации, используемого при принятии решений. Из представителей этого направления стоит выделить Эгона Брунsvика (*Egon Brunswik*) и Курта Левина (*Kurt Lewin*) [5, pp. 98-99]. Эгон Брунsvик полагал, что физическое окружение может воздействовать на людей без их знания об этом¹, а потому эти факторы должны изучаться систематически, в частности, в качестве исключительно важных элементов процесса восприятия. Он был одним из первых, кто использовал термин "психология среды" ("*environmental psychology*") в 1943 году [6]. Курт Левин ввел в научный оборот понятие "полевого поведения". Этим понятием он обозначил совокупность импульсивных ответов на стимулы окружающей среды. Эти ответы характеризуются низким уровнем произвольности и преобладанием ориентации субъекта на ситуативно значимые объекты воспринимаемого окружения (в отличие от ориентации на принятую цель деятельности) [7].

К теоретическим источникам психологии среды также относят деятельность Чикагской социологической школы, деятельность которой была основана на идеях Георга Зиммеля, а также некоторые идеи организационной психологии (известной также под названиями *industrial and organizational psychology, work psychology, work and organizational psychology, labour psychology* и др.).

Г. Зиммель обращал свое внимание на психологические эффекты городской среды и социально-психологические следствия монетарной экономики [8]. С одной стороны, он полагал, что деньги делают вещи индифферентными в отношении их качественных различий. С другой стороны, многочисленные впечатления и постоянные изменения городской среды приводят к сверхстимуляции, заставляя горожанина использовать защитные стратегии – безразличие, интеллектуализм, расчет и т.д. В дальнейшем Р. Парк, Э. Берджесс, Л. Вирт и другие представители Чикагской школы обращали особенное внимание на исследование связи между ростом городов и девиантным поведением. Луис Вирт, в частности, утверждал, что существует различие между мышлением горожанина и сельского жителя. Горожане жители мыслят более рационалистично и механистично. Эта же идея прослеживается в классической работе У. Томаса и Ф. Знанецкого "Польский крестьянин в Европе и Америке". Идеи Чикагской школы стали одними из ключевых и наиболее востребованных во время становления современной психологии среды.

Организационная психология в первой половине XX века также уделяла существенное внимание проблеме взаимоотношения человека и среды, в частности, в контексте влияния производственного окружения на производительность труда. Однако, несмотря на важные наработки в этой области, можно сказать, что организационная психология некоторым образом способствовала снижению интереса к изучению среды. Это обусловлено тем, что ставший классическим "хоторнский эксперимент", проводившийся Элтоном Мэйо на фабрике "Вестерн Электрик" в США, показал, что на производительность труда работников в большей степени влияют социально-психологические моменты, чем средовые и производственные [5, p. 103].

Как уже было сказано, собственно психология среды как научная дисциплина начинает формироваться в 1950-60-е годы. Это своеобразное "второе рождение"² психологии среды связывают со становлением и развитием психологии архитектуры или – в более широком смысле – с исследовательским интересом к психологическому воздействию городской среды – зданий и сооружений (*built environment*). Этот интерес был продиктован практическими нуждами архитектуры и городского планирования. Одной из основных в это время становится тема средового восприятия.

Хотя еще с начала XX века появляются работы на эту тему [9-11], принципиальной фигурой в развитии данного направления является Эдвард Толмен (*Edward Tolman*) – американский психолог, который под влиянием К. Левина, Э. Брунsvика и К. Коффки опубликовал результаты собственного эксперимента по изучению ментальных карт у крыс ("*Cognitive maps in rats and men*", 1948). Он обнаружил, что крысы в состоянии с нескольких попыток найти правильный путь в лабиринте, если

¹ Например, звук от флюорисцентной лампы может влиять на удовлетворенность работой служащего в офисе или продуктивность его труда, даже если он не осознает этого шума.

² Если "первым рождением" считать возникновение "*Psychologie der Umwelt*" Гельпах.

предыдущий путь был блокирован. Это позволило утверждать, что у крыс складывается ментальная репрезентация лабиринта, которая и позволяет им ориентироваться в пространстве. Эта работа дала толчок исследованиям когнитивных карт [5, p.107].

Идею Э. Толмена развил американский специалист в области городского планирования Кевин Линч (*Kevin Lynch*), опубликовавший в 1960 году ставшую классической работу "Образ города" (*"The Image of the City"*) [12]. Она явилась результатом пятилетнего исследования того, как люди воспринимают и организуют пространственную информацию во время перемещения по городам. Используя три различных города в качестве примеров (Бостон, Джерси и Лос-Анжелес), К. Линч показывает, что люди понимают свое окружение как устойчивое и предсказуемое, формируя ментальные карты (*mental maps*).

Выявление ментальных карт стало одной из наиболее популярных тем исследований в русле городских исследований и городской антропологии (см., например, [13]). В то же время подобные исследования оказались больше связанными с деятельностью архитекторов, урбанистов, географов и антропологов, чем с традицией Э. Толмена.

Принципиально важным событием для становления психологии среды стало основание в 1947 году последователями К. Левина Роджером Баркером (*Roger Barker*) и Гербертом Райтом (*Herbert Wright*) Психологической полевой станции Среднего Запада (*The Midwest Psychological Field Station*) в маленьком американском городке Оскалуза, штат Канзас. Эта лаборатория в течение 25 лет изучала жизнь реальных людей в реальных ситуациях и смогла доказать сильное влияние места и окружающей обстановки на поведение детей. Своё направление ученые назвали "экологической психологией", имея в виду акцент на спонтанно возникающем поведении в естественной физической среде [6].

Основная идея Р. Баркера и его последователей состояла в том, что определенная окружающая среда создает у человека некоторые поведенческие установки (*behavior setting*), которые затем самым существенным образом детерминируют все его поведение, протекающее в аналогичной среде. Под поведенческой установкой здесь понимается не столько собственно предрасположенность (*attitude*), но некоторая система, которая предполагает типичных участников, имеет свой диапазон нормативных действий и включает разнообразные материальные объекты, направляющие поток поведения. Релевантным переводом английского "*setting*" здесь будет не только "установка", но и "окружающая обстановка". Таким образом, "*setting*" - понятие, означающее типичное состояние окружающей среды, связанное с определенной типичной социальной ситуацией. Можно считать это понятие близким "фрейму" И. Гофмана с той разницей, что здесь акцентируется внимание на окружающей материальной, физической среде. Большая часть работ Р. Баркера и его коллег посвящена созданию всесторонних описаний таких "сеттингов". При этом практически не использовались такие средства измерения, которые могли бы внести существенные искажения в изучаемую ситуацию (интервью, опросники, тесты и проч.), а используемый метод был по своей природе преимущественно этнографическим [14].

Своеобразным продолжением работ Р. Баркера и его коллег стали исследования, часто пересекающиеся с психологией архитектуры. Именно тогда психологи Государственной больницы города Топека, штат Канзас (*Topeka State Hospital*) собирали наблюдения и брали интервью у пациентов и сотрудников больницы с целью разработки нового дизайна больницы для пациентов с психическими расстройствами; в университетах Юты (*University of Utah*) и Канзаса (*University of Kansas*) выполнялись исследования в палатах психиатрических больниц. Данная тема была весьма популярной в те годы – исследовались палаты и помещения для отдыха в психиатрических клиниках, залы ожидания на железной дороге и в аэропортах [6]. В 1958 году была образована исследовательская группа Вильяма Иттельсона (*William Ittelson*) и Гарольда Прошански (*Harold Proshansky*) в Городском университете Нью-Йорка (*City University of New York*). Группа занималась исследованием того, каким образом элементы пространственной и архитектурной окружающей среды психиатрической больницы воздействуют на поведение пациентов [15]. Можно сказать, что деятельность именно этой группы оказала важнейшее влияние на институционализацию психологии среды.

Подводя некоторые итоги, можно отметить, что *психология среды изучает взаимосвязи между людьми и их физическим окружением. Из идеи о зависимости психики и поведения человека от окружающей его среды (экологический подход) следует необходимость их изучения в тех условиях, которые имеют место в реальной жизни человека.*

Как уже было сказано, исследовательский интерес психологии среды, в первую очередь, был сосредоточен вокруг архитектурных моментов, поэтому в течение некоторого времени названия "психология среды" и "архитектурная психология" использовались в качестве синонимов, одной из особенностей данной отрасли знания провозглашался междисциплинарный подход. Однако кризис конца 1970-х годов, связанный с невозможностью архитектурно и индивидуалистически ориентированной психологии среды дать ответы на практические вопросы, привел к уточнению дисциплинарных границ и

"двойному повороту" в тематике исследований – обращению большего внимания на *социальную* психологию и проблемы *природной среды* ("green shift")³.

Одной из важных тенденций психологии среды стало изучение не только собственно поведения в тех или иных условиях, но и механизмов воспроизводства и управления средовым поведением (*environmental management*). Здесь речь идет, в частности, о таких темах, как социализация, территориальная идентичность, привязанность к месту, использование пространств, средовое восприятие и т.д. [16].

Идентичность места

В 1978 году в журнале "Среда и поведение" (*Environment and behavior*) была опубликована во многом знаковая статья Гарольда Прошански "Город и самоидентичность" (*The City and Self-Identity*) [17]. В ней в научный оборот вводится понятие "идентичность места" (*place identity*). Логика автора можно представить следующим образом.

Критикуя экологический подход к рассмотрению города на примере концепции Л. Вирта, Г. Прошански утверждает, что этот подход существенно упрощает представление относительно влияния городской среды на человека. Л. Вирт исходил из идеи о том, что большая численность, гетерогенность и концентрация жителей в городе, приводящие к шуму, загрязненности, высокой плотности населения и другим формам сверх стимуляции, оказывают непосредственное психологическое и социальное влияние на жителей городов. Напряженность, стресс, психические заболевания, недоверие к окружающим интерпретировались Л. Виртом как не единственные следствия – первичные группы выделялись ослабевающими, так что слабость социальных норм, упадок морали, межгрупповые конфликты и свирепствующая преступность стали характерными признаками крупного города. Очевидно, что теория Л. Вирта вобрала в себя те популярные и научные представления о городской жизни, которые рассматривали ее как усиливающую худшие человеческие проявления.

Города, конечно, являются более шумными, более грязными, более наполненными людьми и событиями, чем меньшие сообщества, и в целом они выступают менее понятными и предсказуемыми местами для жизни. Соответственно, городские жители вследствие возрастающей социальной, этнической, профессиональной и экономической дифференциации, широкого распространения и развития технологий и т.д. оказываются более грубыми, недружелюбными, равнодушными, подозрительными, безликими и отчужденными. Однако вопрос остается, действительно ли физические и экологические свойства городов продуцируют негативные последствия, описанные в теории Л. Вирта? Означает ли это, что городские сообщества, чьи члены характеризуются таким образом, демонстрируют большую степень аномии и дезорганизации? По мысли С. Милграма, равнодушные, грубые и отчужденность городских жителей является следствием "перегруженности стимулами", что характерно для городской жизни. Однако действительно ли горожане более агрессивны, враждебны, подозрительны и т.д., чем жители села или мелких городов?

Г. Прошански утверждает, что современные исследования свидетельствуют, что подобные утверждения являются скорее фикцией, нежели фактом⁴, а задача психологии среды как раз и состоит в том, чтобы дать ответы на вопросы о влиянии среды – городской среды в частности – на человека. Для сторонника психологии среды исследования и теория, связанные с влиянием городской жизни на производство "городского человека", должны быть основаны на следующих предположениях:

1. Город представляет собой дифференцированную, но в то же время унифицированную структуру, чье общее влияние на поведение и опыт городских жителей начинается с представления о нем как о физической системе, в которой разные измерения могут отвечать за это влияние.

³ Так, например, с конца XX века оформляется и приобретает распространение исследовательский фокус, связанный с изучением устойчивого развития (*sustainability*) окружающей среды (и городской среды, в частности) и средового поведения. Речь идет о необходимости изучать и планировать воздействие среды, принимая во внимание глобальные экологические изменения, ограничения разного рода ресурсов, деятельность различных социальных движений и т.д.

⁴ По его мнению, в основе темы "влияния городской жизни" обычно лежит крайне упрощенное, если не карикатурное, представление о том, что такое "город". Это представление исходит из того, что города в физическом и социальном смысле являются гораздо более *нежелательными* для людей по сравнению с другими поселениями, что ведет к описанию города посредством негативных атрибутов. Некоторые из этих атрибутов могут быть более или менее точными описаниями городов. Они действительно оказываются шумными, загрязненными, перенаселенными, пространственно сложными и т.д., однако это не смущает как коренных жителей, так и вновь прибывших. Справедливость подобных стереотипизированных характеристик не отменяет существования скрытых допущений, которые усложняют осмысление города в позитивных терминах. Коротко говоря, не все звуки в городе неприятны, огни и пространства города могут не только смущать, но и впечатлять и вдохновлять, а защита от природных катастроф дает ощущение безопасности. Кроме того, в городах существует множество положительных особенностей – с большой вероятностью здесь есть парки, музеи, библиотеки, торговые центры, театры, больницы, учебные заведения и т.п., которые в гораздо меньшей степени распространены в поселениях, с которыми их обычно сравнивают. Поэтому можно сказать, что эта, другая сторона медали нередко игнорируется.

2. Характеристики опыта и поведения городских жителей, которые возникают как следствие влияния города как физической системы, концептуально и аналитически наиболее релевантны и связаны с особенностями именно этой системы.

3. Поскольку сложное поведение в любых ситуациях коренится в персональной структуре устойчивых личностных предрасположенностей, которая может усиливать или ограничивать влияние этой структуры, отношения человека и окружающей среды, городской или иной, должны быть концептуально связанными с этой структурой.

Последнее допущение представляет собой попытку установить концептуальную связь между проблемами отношений среды и человека, психологией среды и существующей теорией личности. Это попытка связать индивидуальную личностную структуру с физическим и социальным миром человека. Связующим звеном этой структуры является самоидентичность человека, которая выступает ключевым компонентом личностной структуры, связанным с поведением и опытом личности, с одной стороны, и выражающим требования социальной среды, с другой.

Г. Прошански отмечает, что концептуализации самоидентичности акцентируют внимание на детской социализации в качестве члена семьи, этнической, расовой, образовательной, гендерной, профессиональной, классовой и т.д. группы. Роли и групповые определения и связанный с ними опыт объясняют формирование и развитие индивидуальной самоидентичности. В этих концептуализациях удивление вызывает полнейшее игнорирование влияния на личность физической среды вообще и мест и пространств как контекста для всех социальных и культурных воздействий, в частности. Семья – это не только мама, папа, братья и сестры, но это также и место, называемое *домом*. Школа – это не только ученики и учителя, но также и здание с аудиториями, игровым пространством, туалетами, кабинетом директора и столовой. И молодежные банды – это не только система, связывающая их членов друг с другом, но также и двор, подвал, бильярдная на углу. Поведение и ожидания университетского профессора, дантиста, продавца или взломщика связаны с их чувствами, представлениями, ожиданиями относительно физической среды. Другими словами, идентичность места возникает в связи с требованиями окружающей среды и объектов, свойственными каждой из многочисленных ролей, которые все мы выполняем⁵ [17].

Если самоидентичность человека структурирована набором специфических идентичностей, таких, как пол, социальный класс, этническая принадлежность, род занятий, религия и др., то это значит, что в этой структуре должна существовать также и идентичность места. *Под идентичностью места* понимаются те измерения личности, которые определяют личностную идентичность в отношении физического окружения посредством комплекса паттернов сознания и бессознательных образцов, верований, предпочтений, чувств, ценностей, целей и поведенческих склонностей и навыков, релевантных данному окружению. Можно утверждать, что для каждой специфической ролевой идентичности человека существует физическое измерение. Поэтому следует отметить, что физические характеристики каждой идентичности являются следствием влияния общих характеристик идентичности места, которые отражают уникальный опыт социализации индивида в физическом мире, так же, как и выражают общий опыт индивидов и групп, живущих в одинаковых физических условиях (в городе или в сельской местности, в частном доме или квартире и т.д.). По этой причине оказывается важным рассматривать идентичность места как специфическую идентичность в составе самоидентичности.

Анализируя влияние городской среды, Г. Прошански говорит о том, что калейдоскоп физического опыта, характеризуемый как "жизнь в большом городе" (звуки, огни, жилые дома, офисные здания, машины, общественный транспорт, толпы, большое число незнакомцев, преступность, театры, музеи и рестораны), является частью процесса социализации городского жителя от самого его рождения. Следствием является *городская идентичность места*.

Такой подход означает, что физические характеристики и требования жизни в городской среде социализируют человека в отношении передвижения, мышления, ощущений, выполнения социальных ролей и решения проблем, соотносясь со всем физическим окружением таким образом, который является исключительно городским. Дети учатся не только ходить, но передвигаться в толпе, пересекать заполненные машинами улицы, использовать подземные переходы и т.д. Они учатся есть не только дома, но в переполненной школьной столовой, ресторане или даже на ходу в парке развлечений. Во всех этих случаях присутствует контекст звуков, огней, лиц, объектов, приспособлений и событий, который также влияет на окружающую обстановку и процесс социализации.

⁵ Отношения между определенной ролью и физическим окружением становятся более очевидными, когда обнаруживается несоответствие между физической средой и ролевыми требованиями. Так, например, вряд ли будут эффективными доктор, чьим кабинетом является витрина магазина или школьный учитель, проводящий занятия в помещении склада.

Таким образом, *идентичность места – это такой аспект идентичности человека, который воплощает в себе результат влияния определенной физической среды на социализацию индивида.*

В современном социогуманитарном знании имеет место различие в трактовках идентичности, а именно: 1) идентичность как (психологический) результат адаптации к окружению (самоидентичность) и 2) идентичность как воспринимаемая специфика объекта в рамках определенной системы классификации [3]. Если иметь в виду это различие, то определение идентичности места полностью соответствует "психологическому" пониманию идентичности (широко используемому за пределами собственно психологии).

Финский исследователь Калеви Корпела (*Kalevi Korpela*) развил данный подход и определил идентичность места как продукт активной средовой саморегуляции, то есть как одно из средств, посредством которых индивид (сознательно или нет) формирует и поддерживает собственную идентичность. Соответственно, можно указать на следующие (новые) акценты в интерпретации идентичности места. Во-первых, речь идет об эмоциональной связи с местом [18, p.245]. А во-вторых – о зависимости от времени: идентичность места формируется и усиливается со временем [19]. Подобные акценты сближают понимание идентичности места с рядом других важных понятий, используемых в психологии среды – "привязанность к месту" (*place attachment*), "чувство места" (*sense of place*), "зависимость от места" (*place dependency*), "топофилия" (*topophilia*), "значение (значимость, смысл) места" (*place meaning*) и др. Анализ этих понятий, по нашему мнению, будет способствовать не только концептуализации и определению путей изучения идентичности места вообще и города, в частности, но и развитию исследований в данной сфере.

Литература:

1. Соціологія міста: навчальний посібник / Л.В. Малес, В.В. Серета, М.О.Соболевська, Ю.Г.Сорока та ін.; за заг. ред. О.К. Міхеєвої. – Донецьк: вид-во Ноулідж, 2010. – 463 с.
2. Мусієздов О. Місто як уявлена спільнота / О. Мусієздов // Вісник Львівського національного університету імені Івана Франка. Серія соціологічна. - 2010. - Вип.4. - С. 178-182.
3. Мусієздов А. Представлення о городе: "идентичность" vs "образ" /А. Мусієздов // Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства: Збірник наукових праць. – Харків: Видавничий центр Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна, 2011. – С. 117-123.
4. Гельпах Вильям [Електронний ресурс]. Режим доступу: http://ru.wikipedia.org/wiki/Вильям_Гельпах
5. Pol E. Blueprints for a History of Environmental Psychology (I): From First Birth to American Transition / E. Pol // Medio Ambiente y Comportamiento Humano. – 2006. – 7(2). – pp. 95-113.
6. Смолова Л.В. Становление психологии взаимодействия с окружающей средой (исторический аспект) / Л.В. Смолова // 4-я Российская конференция по экологической психологии: Материалы конференции/Под общ. ред. В.И.Панова и А.В.Иващенко. М.: РУДН, 2006. – с. 28-42.
7. Левин К Теория поля в социальных науках / К. Левин – СПб.: "Сенсор", 2000. - 368 с.
8. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь / Г. Зиммель // Логос. – 2002. – №3-4. – С. 1-12.
9. Gulliver, F.P. Orientation of maps // Journal of Geography. – 1908. – Vol. 7. – pp. 55-58.
10. Trowbridge, C. C. On fundamental methods of orientation and imaginary maps // Science. – 1913. – Vol. 38. - pp. 888-897.
11. Philipe J. L' image mentale. – Paris: Alcan, 1904.
12. Линч К. Образ города / К. Линч. – М.: Стройиздат, 1982. – 328 с.
13. Визуальная антропология: городские карты памяти / Под редакцией Павла Романова, Елены Ярской-Смирновой (Библиотека Журнала исследований социальной политики). – М.: ООО "Вариант", ЦСПГИ, 2009. – 312 с.
14. Экологическая психология [Електронний ресурс] // Психологическая энциклопедия. Режим доступу: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_psychology/1295/Экологическая_психология
15. Психология среды [Електронний ресурс]. Режим доступу: http://ru.wikipedia.org/wiki/Психология_среды
16. Pol E. Blueprints for a History of Environmental Psychology (II): From Architectural Psychology to the challenge of sustainability / E. Pol // Medio Ambiente y Comportamiento Humano. – 2007. – 8(1y2). – pp. 1-28.
17. Proshansky H.M. The city and self-identity / H.M. Proshansky // Journal of Environment and Behaviour. – 1978. – Vol. 10. – pp. 57-83.
18. Korpela K. Place-identity as a product of environmental self-regulation / K. Korpela // Journal of Environmental Psychology. – 1989. – 9. – pp. 241-256.
19. Smaldone D. The role of time in place attachment / D. Smaldone // Proceedings of the 2006 Northeastern Recreation Research Symposium, P-14. Newtown Square – PA: Department of Agriculture, Forest Service, Northern Research Station, 2006. – pp. 47-56.